This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HDI
HL 1RFV Y

Elistratov, A. I.
O izuchenii posobnosti

Samoil', A. M. - O sekretnoi podchinennosti umem. Moskva, 1. Gosizdat, 1924

RUS
999
E L1

HARVARD
LAW
LIBRARY

A7
Elistratov, A.I.
O zhiznesposobnost'...

Bd. April 1933

HARVARD LAW LIBRARY

Received APR 1 1932

А. И. Елистратовъ.

О ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ИНСТИТУТОВЪ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАГО ПРОИЗВОДСТВА

ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРОЦЕССѢ СМѢШАННАГО ТИПА.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1900.

Печатается по опредѣленію Общаго Собранія Юридическаго Общества при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ

Предсѣдатель *Г. Шершеневичъ.*

APR 1 1932

Отдѣльный оттискъ изъ «Трудовъ» Юридическаго Общества.

О ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ИНСТИТУТОВЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНАГО ПРОИЗВОДСТВА ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРОЦЕССѢ СМѢШАННАГО ТИПА.

Рефератъ, прочитанный на засѣданіи 20 ноября.

Не стѣсняясь рамками опредѣленнаго законодательства, связывающими догматика, изслѣдователь, стоящій на почвѣ естественно-научной, имѣетъ возможность сопоставить однородныя наслоенія въ процессуальномъ строѣ различныхъ государствъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, избѣгая безразличнаго отношенія юриста, какъ къ аксіомѣ, къ любой нормѣ даннаго кодекса, онъ можетъ отличить разнородные пласты въ судебной организаціи одного и того же государства. Выполнивъ пріемами естественно-историческаго изученія данную задачу, такой изслѣдователь окажется въ состояніи свести все разнообразіе доступныхъ кругозору его наблюденія процессуальныхъ формъ къ немногочисленнымъ типическимъ формамъ, совмѣщающимъ въ себѣ характерныя черты того или иного момента въ развитіи процессуальной организаціи.

Въ современной литературѣ первыя вѣхи соціологическаго изслѣдованія институтовъ уголовно-распознавательной дѣятельности поставлены понятіями двухъ основныхъ типовъ организаціи уголовнаго процесса, обозначаемыми узкими, устарѣвшими терминами „слѣдственнаго“ (или инквизиціоннаго) и „обвинительнаго“ типа. Отличительными признаками процесса т. наз. слѣдственнаго типа должны быть признаны—преобладаніе бюрократіи (или опредѣленныхъ сословныхъ элементовъ) въ отправленіи задачъ уголовной діагностики, почти полное смѣшеніе всѣхъ функцій послѣдней въ рукахъ однихъ и тѣхъ же органовъ, окутывающая уголовно-распознавательную дѣятельность тайна, письменность и пр. Напротивъ, болѣе или

менѣе широкое участіе въ уголовно-распознавательной дѣятельности общества, дифференціація процессуальныхъ функцій, гласность, непосредственность и пр.,—составляютъ характерные признаки процесса т. наз. обвинительнаго типа. Соотвѣтствуя въ новой европейской исторіи особенностямъ режима полицейскаго государства, уголовный процессъ инквизиціоннаго типа къ концу прошлаго столѣтія повсемѣстно господствовалъ на европейскомъ континентѣ; что же касается уголовно-процессуальныхъ институтовъ обвинительнаго типа, то они къ тому времени функціонировали въ Англіи и въ Америкѣ, въ связи съ прочими учрежденіями, характеризовавшими болѣе развитой политическій строй т. наз. правового государства.

Канунъ прошлаго вѣка и нынѣшнее столѣтіе были для континентальныхъ государствъ Европы моментомъ, когда уголовный процессъ всецѣло слѣдственнаго типа отошелъ для нихъ въ область пережитаго. Его реформа была въ сущности однимъ изъ проявленій освободительной борьбы, въ которой, подъ знаменемъ либеральныхъ принциповъ XVIII вѣка, общества отдѣльныхъ политическихъ единствъ на европейскомъ континентѣ пытались разрушить устои режима Polizeistaat'a и замѣнить его устройствомъ, основаннымъ на принципахъ названнаго правового государства Въ основу уголовно-процессуальной реформы полагались тѣ же самые начала, которыя провозглашались, въ качествѣ руководящихъ началъ, въ переустройствѣ всего политическаго строя: на мѣсто бюрократическихъ (или сословныхъ) учрежденій процесса, съ почти полнымъ смѣшеніемъ функцій, тайной производства и пр., обновляющее теченіе пыталось поставить такую организацію, при которой уголовно-распознавательная дѣятельность становилась, въ извѣстной степени, общественнымъ дѣломъ, отдѣльныя ея функціи вручались обособленнымъ органамъ, и притомъ отправлялись гласно, и т. п. Другими словами, на мѣсто уголовно-процессуальныхъ учрежденій слѣдственнаго типа на континентъ Европы выдвигались институты, характеризовавшіе собою англо американскій процессъ обвинительнаго типа. Родство формъ, подлежавшихъ преобразованію, общность стремленій, вызывавшихъ послѣднее, однородность требованій, началъ, полагаемыхъ въ основу обновленія уголовно-процессуальнаго строя,—все это даетъ намъ основаніе поставить рядомъ слѣдующія реформы, которыми освободительное движеніе,

разрушавшее режимъ Polizeistaat'a, пыталось, вмѣстѣ съ тѣмъ, расшатать уголовный процессъ слѣдственнаго типа, а именно: вытѣсненіе, въ области французскаго уголовнаго производства, стараго ордонанса 1670 г. соотвѣтствующими законами учредительнаго собранія и конвента и, затѣмъ, процессуальнымъ кодексомъ 1808 г.; внесеніе идей и требованій, провозглашенныхъ этимъ кодексомъ, въ Италію, Бельгію, Голландію; преобразованіе уголовнаго производства, предпринятое послѣ народныхъ движеній 1848 г. въ Германіи; и наконецъ, минуя прочія государства, попытку судебной реформы, совершенную въ эпоху скоротечныхъ прогрессивныхъ вѣяній шестидесятыхъ годовъ у насъ въ Россіи. Не смотря на различіе внѣшнихъ условій, при которыхъ данныя преобразованія осуществлялись въ отдѣльныхъ странахъ, на нихъ лежитъ печать одного и того же критическаго момента соціальной эволюціи, лишь въ разное время разрѣшившагося въ различныхъ государствахъ.

Подходя ближе къ отмѣченнымъ преобразованіямъ,— первымъ попыткамъ замѣнить процессуальную организацію инквизиціоннаго типа институтами уголовной діагностики обвинительнаго типа, легко усмотрѣть общій признакъ, который отличаетъ закрѣпленныя первыми кодексами новой формаціи построенія уголовнаго процесса. Какъ ни настойчиво пытались прогрессивныя теченія, силой которыхъ совершались на европейскомъ континентѣ интересующія насъ реформы, покончить съ учрежденіями стараго режима,—съ процессуальными институтами инквизиціоннаго типа, они не могли устранить ихъ совсѣмъ изъ соціальнаго зданія. Въ образованіи новыхъ учрежденій во всей своей силѣ сказался хорошо извѣстный соціологу фактъ переживанія старыхъ общественныхъ формъ. Это явленіе характеризуется тѣмъ, что формы, относящіяся къ низшимъ этапамъ эволюціоннаго процесса, въ какомъ бы глубокомъ противорѣчіи не стояли онѣ къ соотвѣтствующимъ соціальнымъ новообразованіямъ, продолжаютъ сохранять свое мѣсто въ въ общественной организаціи; утративъ свой жизненный смыслъ, онѣ тѣмъ не менѣе продолжаютъ держаться, иногда въ теченіи долгихъ столѣтій, и такимъ образомъ какъ бы переживаютъ среди новыхъ, чуждыхъ имъ формъ, ту жизнь, которую уже отжили. Подобное переживаніе учрежденій слѣдственнаго типа, возлѣ вновь созидаемыхъ институтовъ типа

обвинительнаго, настолько широко и рельефно проявилось въ закрѣпленной интересующими насъ реформами организаціи уголовно-распознавательной дѣятельности, что литература не безъ основанія не относитъ реформированный континентальный процессъ весь, въ цѣломъ, къ категоріи процессуальныхъ формъ обвинительнаго типа, но ставитъ его особо, какъ процессъ смѣшаннаго типа.

Обратимъ ли мы вниманіе на французскій code d'instruction criminelle, всмотримся ли въ нѣмецкія процессуальныя узаконенія середины текущаго вѣка, или заглянемъ въ наши судебные уставы, мы найдемъ, что логически единая, цѣльная, уголовно-распознавательная дѣятельность, согласно представляемой этими кодексами нормировкѣ, распадается на двѣ части, на два дѣла, тождественныя по задачамъ, но діаметрально противоположныя по основамъ своей организаціи. Въ формѣ т. наз. предварительнаго производства (instruction, Vorverfahren) въ реформированномъ континентальномъ процессѣ смѣшаннаго типа остается въ силѣ старый инквизиціонный процессъ, съ именемъ котораго выплываетъ представленіе о бюрократическихъ учрежденіяхъ, о смѣшеніи функцій, о тайнѣ и бумажности производства и пр. Въ видѣ т. наз. окончательнаго производства (jugement, Hauptverfahren), рядомъ съ обломками режима полицейскаго государства, выдвигается новая организація, по типу обвинительнаго процесса, зиждущаяся на противоположныхъ принципахъ общественнаго участія, раздѣленія задачъ діагностики, гласности, непосредственности и пр. Обновленіе уголовнаго производства въ государствахъ европейскаго континента, и въ частности у насъ въ Россіи, сводилось, такимъ образомъ, въ сущности къ надстройкѣ вновь выработанныхъ формъ процессуальнаго устройства надъ старыми, осужденными на разрушеніе, его институтами, которые были сохранены въ фундаментѣ, въ основаніи. Формы обвинительнаго (англійскаго) процесса, затребованныя движеніемъ, пытавшимся освободить общество отъ режима полицейскаго государства, были присоединены къ процессуальнымъ учрежденіямъ старой формаціи названнаго Polizeistaat'а, такъ что инквизиціонный процессъ эпохи послѣдняго изъ цѣлаго сталъ только предварительнымъ, а вновь созданный порядокъ оказался слѣдующимъ за нимъ окончательнымъ производствомъ.

Въ составъ послѣдняго вошли такія учрежденія, какъ адвокатура, какъ институтъ присяжныхъ, и прокуратура, какъ органъ обвиненія; напротивъ, въ предварительномъ производствѣ центральными фигурами остались прежніе органы инквизиціоннаго процесса полицейскаго государства—слѣдственный судья и прокуроръ, въ роли блюстителя, стража законности. Juge d'instruction, Untersuchungsrichter, нашъ судебный слѣдователь, отнюдь не являются зачаткомъ, проблескомъ учрежденій какой либо новой соціальной формаціи: въ характерныхъ очертаніяхъ слѣдственныхъ судей сохраняются черты стариннаго института уголовныхъ лейтенантовъ, которыхъ мы встрѣчаемъ во Франціи стараго режима, и другихъ соотвѣтствующихъ учрежденій эпохи полицейскаго государства. Черты той же эпохи проявляются и въ задачахъ дѣятельности прокурора, какъ органа предварительнаго слѣдствія. Выполняя на стадіи окончательнаго производства опредѣленную процессуальную задачу обвиненія, послѣдній въ предварительномъ слѣдствіи остается всецѣло органомъ наблюденія, блюстителемъ, стражемъ законности, поставленнымъ надъ слѣдователемъ,—другими словами, носителемъ задачи, которой исчерпывалась вся его дѣятельность предъ судомъ при режимѣ полицейскаго государства.

Сила наслѣдственно укрѣпившейся привычки къ учрежденіямъ, сохраняющимъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ свое существованіе, склонна психологически обусловить совершенно ложный взглядъ на ихъ естественно-историческій смыслъ и соціальное значеніе. Чѣмъ глубже тотъ или иной институтъ пустилъ въ общественную жизнь свои корни, тѣмъ болѣе свойственно человѣческой мысли стремиться признать его естественнымъ, почти абсолютнымъ, чуть ли не вѣчнымъ,—и сторониться всякой попытки доказать, что данный институтъ давно уже утратилъ свою жизнеспособность,—пересталъ удовлетворять измѣнившимся потребностямъ общества. Склонность человѣка облекать въ мишурные покровы необходимаго и разумнаго рѣшительно все, съ чѣмъ только онъ свыкся, сказалась, въ извѣстной степени, въ ходячемъ взглядѣ на совмѣстное существованіе предварительнаго и окончательнаго производствъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ уголовномъ процессѣ смѣшаннаго типа, какъ на двѣ стадіи, взаимно дополняющія одна другую, какъ на части, изъ которыхъ каждая логически необходима для полноты уголовно-

распознавательной дѣятельности. Стоитъ однако всмотрѣться въ ихъ логическое содержаніе, и станетъ ясно, что и въ предварительномъ, и въ окончательномъ производствѣ осуществляются не какіе либо различные, но одни и тѣже моменты уголовно-распознавательной дѣятельности, притомъ, въ одномъ и томъ же объемѣ.

Задачей предварительнаго слѣдствія, составляющаго важнѣйшую часть предварительнаго производства, является изслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ, и уличающихъ, и оправдывающихъ лицо, подозрѣваемое въ преступленіи. Отсюда явствуетъ, что на долю судебнаго слѣдствія,—соотвѣтствующей ступени окончательнаго производства, не выпадаетъ никакой логически новой задачи по изслѣдованію доказательствъ: вѣдь всѣ обстоятельства дѣла предполагаются уже изслѣдованными на предварительномъ слѣдствіи За предварительнымъ слѣдствіемъ въ порядкѣ предварительнаго производства слѣдуетъ ступень преданія суду, причемъ предающее суду учрежденіе оцѣниваетъ добытыя предварительнымъ слѣдствіемъ доказательства: оно рѣшаетъ вопросъ, имѣется ли, по слѣдственному матеріалу, достаточное основаніе обвинять данное лицо въ преступленіи. Окончательное производство завершается совѣщаніемъ судей и постановленіемъ приговора, причемъ происходитъ такой же логическій процессъ оцѣнки доказательствъ, ведущій къ рѣшенію, есть ли достаточное основаніе считать обвиняемаго виновнымъ въ преступленіи. Для логической полноты уголовно-распознавательной дѣятельности не придется ничего прибавить къ предварительному производству, если мысленно исключить изъ обихода уголовнаго процесса смѣшаннаго типа все производство окончательное,—и только придать иную, болѣе рѣшительную формулировку отвѣту предающаго суду учрежденія. А къ этому логически препятствій не встрѣчается, такъ какъ предполагается, что на предварительномъ слѣдствіи изслѣдованы уже всѣ доказательства въ пользу и противъ подсудимаго. И наоборотъ, изъ процесса смѣшаннаго типа можно выбросить и предварительное слѣдствіе, и преданіе суду,—составныя части предварительнаго производства, въ окончательномъ производствѣ найдутся всѣ нужные элементы, образующіе содержаніе уголовно-распознавательной дѣятельности. Это обстоятельство, несомнѣнно, сознавали и сами редакторы кодексовъ, закрѣпившихъ порядокъ процесса интересующаго насъ

типа. Они признали обязательнымъ обращеніе къ предварительному слѣдствію въ отношеніи лишь ограниченнаго числа уголовныхъ дѣлъ; для ряда другихъ уголовныхъ дѣлъ они только допустили, но не обязали прибѣгать къ этой ступени производства; вмѣстѣ съ тѣмъ, для значительной части уголовныхъ дѣлъ они признали и предварительное слѣдствіе, и преданіе суду, совсѣмъ недопустимыми. Развѣ могли они послѣдовательно такъ поступить, если бы и въ самомъ дѣлѣ считали предварительное производство моментомъ, необходимымъ для полноты уголовной діагностики? За критерій, при разграниченіи случаевъ обязательности, допустимости и запрещенности предварительнаго производства, принимается характеръ средствъ наказанія, примѣненіемъ которыхъ законъ угрожаетъ на случай учиненія, при извѣстныхъ условіяхъ, отмѣчаемыхъ имъ дѣяній. Институты предварительнаго производства должны функціонировать или, напротивъ, бездѣйствовать смотря по тому, какая форма лишенія свободы слѣдуетъ за инкриминируемое преступленіе, или сообразно тому, входитъ ли или не входитъ въ репрессію послѣдняго угроза ограниченіемъ правъ, и т. п. Если бы институты предварительнаго производства образовывали интегральную часть уголовно-распознавательной дѣятельности, то можно ли было бы по такимъ основаніямъ, въ процессуальномъ отношеніи случайнымъ, исключать ихъ дѣйствіе изъ обихода уголовнаго процесса? Правда, тѣмъ же случайнымъ критеріемъ опредѣляется въ процессѣ смѣшаннаго типа и кругъ случаевъ, въ которыхъ призванъ функціонировать институтъ присяжныхъ,—и однако не сомнѣваются въ томъ, что его функція вытекаетъ изъ существа уголовной діагностики. Но вѣдь, при искусственномъ ограниченіи круга дѣятельности присяжныхъ, въ сферѣ случаевъ, гдѣ ихъ институтъ перестаетъ функціонировать, соотвѣтствующимъ образомъ расширяется дѣйствіе другого учрежденія окончательнаго производства, коронной магистратуры суда. Между тѣмъ, при отпаденіи, въ виду особенностей карательной санкціи, предварительнаго слѣдствія и преданія суду, соотвѣтствующія ступени предварительнаго производства ничѣмъ не пополняются,—и тѣмъ не менѣе не нарушается цѣльность всего процесса.

Нельзя оправдать обособленнаго существованія инквизиціонныхъ институтовъ предварительнаго производства и обыч-

ной ссылкой на ихъ необходимость для соотвѣтствующей „предварительной“ подготовки уголовнаго дѣла, дающей возможность поставить послѣднее на гласный судъ представителей общества. Въ основаніи такой ссылки, кажется, лежитъ ложная мысль о единствѣ мѣста и времени дѣйствій окончательнаго производства,—невольная подстановка подъ понятіе послѣдняго представленія о судебномъ засѣданіи по дѣлу (Hauptverhandlung), непосредственно ведущемъ къ разрѣшенію основного вопроса о виновности подсудимаго. Но вѣдь окончательное производство, помимо дѣйствій, входящихъ въ это рѣшительное засѣданіе, не исключаетъ принципіально и „приготовительныхъ къ суду распоряженій“, которымъ ничто не препятствуетъ развиться въ дѣятельность, представляющую болѣе или менѣе широкую первоначальную подготовку уголовнаго дѣла.

Отсюда явствуетъ, что предварительное и окончательное производство въ процессѣ смѣшаннаго типа не составляютъ двухъ взаимно дополняющихъ и, притомъ, логически необходимыхъ элементовъ уголовно-распознавательной дѣятельности: эти двѣ стадіи процесса преслѣдуютъ, въ одинаковомъ объемѣ, одну и ту же задачу; ими осуществляются, въ одинаковой мѣрѣ, однѣ и тѣже функціи уголовной діагностики. Все ихъ различіе, составляющее raison d'être ихъ совмѣстнаго существованія, лежитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ коренной противоположности основъ ихъ организаціи. Задача уголовнаго процесса въ предварительномъ производствѣ осуществляется тайно, письменно, бюрократическими учрежденіями, сторонящимися участія общества, при смѣшеніи, въ рукахъ однихъ и тѣхъ же органовъ власти, всѣхъ функцій уголовно-распознавательной дѣятельности; та же задача въ окончательномъ производствѣ рѣшается при дѣятельномъ участіи общества, при обособленіи процессуальныхъ функцій, въ принципѣ—гласно, непосредственно. Раздробленіе единаго дѣла, состоящаго въ распознаніи истины, на стадіи предварительнаго и окончательнаго производства обусловливается, такимъ образомъ, не логическими основаніями, которыя вытекали бы изъ существа уголовной діагностики, но лишь историческими наслоеніями,—соціальнымъ переживаніемъ старыхъ формъ наряду съ новыми образованіями.

Для уясненія значенія организаціи предварительнаго производства въ отправленіи функцій уголовно-распознавательной

дѣятельности умѣстно сперва припомнить основную политическую задачу, которой, въ свое время, обусловливался характеръ этой организаціи. Эта задача опредѣлялась усиленіемъ, укрѣпленіемъ центральной власти, растворявшей въ своемъ могуществѣ господство феодальныхъ владѣльцевъ. Потребностями центральной власти обусловилось происхожденіе и развитіе уголовныхъ лейтенантовъ; въ этихъ же потребностяхъ зародилась и окрѣпла наблюдательная роль прокурора, какъ представителя короля („око короля"), призваннаго блюсти за законностью въ дѣятельности судовъ и иныхъ учрежденій. Стремленія центральной власти, опредѣлившія режимъ полицейскаго государства, объясняютъ въ частности и бюрократизмъ учрежденій уголовнаго процесса, продолжающихъ существовать въ предварительномъ производствѣ; они объясняютъ одинаково хорошо и широкій объемъ власти, которой облекался слѣдователь—судья, призванный безраздѣльно отправлять всѣ функціи уголовной діагностики, и неопредѣленныя полномочія прокурора, поставленнаго надъ нимъ въ качествѣ противовѣса его могуществу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, звена, связующаго его съ центромъ. Въ области уголовнаго процесса тенденціи полицейскаго государства съ одинаковой силой проявлялись въ характерѣ подчиненія, съ одной стороны, личности обывателя—чиновничьему усмотрѣнію, и съ другой, самого чиновника—центральной власти. Надѣляя, въ интересахъ центра, чиновниковъ юстиціи безграничными полномочіями въ отношеніи къ обывателямъ, привлекаемымъ къ слѣдствію, полицейское государство, въ то же время, стремилось парализовать власть тѣхъ же чиновниковъ, поскольку эта власть могла представить собою орудіе, обоюдоострое для центра. При превращеніи личности обывателя, въ отношеніи къ суду, въ безличный объектъ изслѣдованія, получали опредѣленный смыслъ тайна, секретность производства, и его письменный, канцелярскій характеръ. Недовѣріе къ самому судьѣ-слѣдователю центральнаго правительства дѣлало послѣдовательнымъ властное наблюденіе за нимъ прокурора, равно какъ и другія особенности процесса инквизиціоннаго типа, какъ лежавшее на судьѣ запрещеніе оцѣнивать по внутреннему убѣжденію доказательства, или какъ пересмотръ его рѣшеній, разроставшійся въ сложную систему безконечныхъ инстанцій.

Но если основы организаціи инквизиціоннаго процесса, опредѣляющія характеръ предварительнаго производства, вполнѣ соотвѣтствовали политической задачѣ полицейскаго государства, то онѣ принципіально должны быть признаны условіями, заграждающими путь къ истинѣ и правосудію въ процессѣ т. наз. правового государства.

Тяжесть и непригодность для дѣла распознаванія истины доспѣховъ, облекавшихъ уголовнаго лейтенанта, чувствительна и понятна современному слѣдователю. Прислушиваясь, какъ человѣкъ, къ новымъ запросамъ общественной жизни и, какъ чиновникъ, оставаясь въ рамкахъ организаціи эпохи полицейскаго государства, послѣдній съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности становится въ положеніе неустойчивое, ведущее къ глубокимъ противорѣчіямъ психологически. Положимъ, онъ берется за дѣло со свѣтлыми, гуманными убѣжденіями, но его слѣпитъ тьма: работать приходится безъ свѣта гласности. Въ своемъ тайномъ, секретномъ производствѣ слѣдователь оказывается лишеннымъ такого же основнаго условія, оживляющаго и возбуждающаго къ достойному отправленію лежащихъ на немъ функцій, какимъ для жизнедѣятельности организма, вообще, является притокъ свѣжаго воздуха. Положимъ, онъ хочетъ взяться за выступающее передъ нимъ живое дѣло, но отъ живого дѣла его тотчасъ же оттѣсняетъ кипа канцелярской бумаги, которую надо заполнять безъ конца, когда для дѣла живого такъ дорога каждая минута досуга. Онъ хочетъ добиться истины, но скоро убѣждается, какъ непосильна для него эта задача. Вѣдь обнаруженіе и обличеніе преступника — это жизненная функція самого общества, а онъ, слѣдователь,— чиновникъ, заброшенный въ данную общественную среду случайно, человѣкъ, подчасъ даже незнающій этой среды, ни ея жизненныхъ интересовъ, ни ея особенностей. Послѣдовательно, среда сторонится слѣдователя, не идетъ къ нему въ свидѣтели, не оберегаетъ вещественныхъ доказательствъ,—и порой даже терпитъ и скрываетъ преступника, лишь бы избавиться властнаго вмѣшательства чуждаго ей органа, притязающаго отправлять ея жизненную функцію. Если бы однако слѣдователю и удалось втиснуться въ мѣстное общество, то все же, чѣмъ болѣе не формально, но энергично, онъ возмется за дѣло, тѣмъ опаснѣе окажется его дѣятельность для правосудія. Это обстоятельство обусловливается самымъ характеромъ психоло-

гически несовмѣстимыхъ функцій, по отправленію уголовной діагностики, которыя сосредоточиваются въ его рукахъ.

Какъ органу изслѣдованія, слѣдователю надлежитъ добыть доказательства и противъ, и въ пользу лица, подозрѣваемаго имъ въ преступленіи: по одному и тому же дѣлу онъ долженъ быть и обвинителемъ, и защитникомъ того человѣка, на котораго падаетъ его подозрѣніе. Выступая въ своей оффиціальной дѣятельности обвинителемъ, слѣдователь заинтересованъ въ томъ, что бы подкрѣпить, обосновать допущенное имъ предположеніе объ учиненіи даннымъ лицомъ преступленія. Въ качествѣ защитника, его задача, напротивъ, состоитъ въ томъ, что бы оспорить правильность такого предположенія, что бы сомнѣніемъ, противорѣчіемъ, возбужденнымъ во имя истины, противодѣйствовать возможнымъ увлеченіямъ и заблужденіямъ обвинителя. Не долженъ ли защитникъ, являющійся въ лицѣ слѣдователя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и обвинителемъ, шагъ за шагомъ противодѣйствовать своей собственной дѣятельности, ежечасно оспаривать самого себя, дѣлать безплодными свои собственныя усилія, какъ Пенелопа, распускать повседневно только что сотканную пряжу? Подрывая психологически устои обвинительной дѣятельности, смѣшеніе задачъ изслѣдованія въ рукахъ слѣдователя является, въ то же время, тормазомъ и для надлежащаго выполненія имъ задачи защиты. Защитникъ нуждается въ довѣріи къ нему подсудимаго: успѣшность защиты сплошъ и рядомъ обусловливается наличностью такого довѣрія. Но на довѣріе человѣка, привлекаемаго къ слѣдствію, врядъ ли можетъ разсчитывать слѣдователь, когда онъ, осуществляя задачу защиты, обязанъ выступить и фактически уже выступилъ противъ человѣка, на довѣріе котораго онъ притязаетъ, въ роли обвинителя. Отъ изслѣдователя по уголовному дѣлу правосудіе требуетъ, что бы въ каждомъ конкретномъ случаѣ онъ одинаково энергично, настойчиво, исчерпалъ и то, что подтверждаетъ обвиненіе, и то, что относится къ защитѣ. Между тѣмъ, чѣмъ съ большей энергіей слѣдователь попытается обосновать родившися у него въ душѣ предположеніе,— подозрѣніе, что именно данное лицо учинило преступленіе, тѣмъ болѣе слабой, призрачной, окажется его защита заподозрѣннаго по данному дѣлу. Напротивъ, стоитъ только слѣдователю въ отношеніи къ подозрѣваемому въ преступленіи лицу убѣжденно встать на благопріятную точку зрѣнія,—и

вся его энергія по обвиненію этого лица тотчасъ же разсѣется. Только въ томъ случаѣ, если для слѣдователя—одинаково безразличны, безжизненны, его обязанности и по обвиненію, и по защитѣ, онъ будетъ въ состояніи равномѣрно, т. е. одинаково формально, выполнить и тѣ, и другія. Напротивъ, чѣмъ выше его личныя свойства и качества, какъ человѣка, чѣмъ съ большей чуткостью относится онъ къ окружающей жизни, тѣмъ опредѣленнѣе должна въ немъ проявиться эта неустойчивость, этотъ душевный разладъ, это психологическое противорѣчіе. Могутъ замѣтить, что въ томъ же положеніи оказывается и изслѣдователь въ области ученыхъ изысканій, однако онъ въ состояніи одинаково настойчиво и создавать, и критиковать свои гипотезы. Но такое возраженіе врядъ ли правильно. Не говоря уже о томъ, что въ области жгучихъ вопросовъ науки внимательное отношеніе изслѣдователя къ враждующимъ ученіямъ проявляется далеко не всегда,—мыслимо ли, вообще, отождествлять съ ученымъ кабинетомъ слѣдовательскую камеру? Въ кабинетъ изслѣдователя человѣческіе интересы вступаютъ отвлеченными отъ своихъ индивидуальныхъ проявленій; что бы ихъ оцѣнить, у кабинетнаго изслѣдователя въ рукахъ богатый опытъ другихъ работниковъ мысли по тѣмъ же вопросамъ; наконецъ, онъ не обязанъ дать своего рѣшенія къ сроку, безотлагательно. Напротивъ, въ камеру слѣдователя сцѣпляющіеся, сталкивающіеся интересы людей врываются непосредственно, въ ихъ настоящихъ житейскихъ формахъ; разбираясь среди нихъ, слѣдователю, въ большинствѣ случаевъ, приходится довольствоваться собственнымъ опытомъ; притомъ, ему некогда даже задуматься надъ ними, потому что судъ долженъ быть скорымъ,—и его отвѣта напряженно ждетъ общество.

Законъ игнорируетъ, что въ энергичномъ слѣдователѣ всякій разъ in concreto преобладаетъ или дѣятельный обвинитель, или убѣжденный защитникъ,—и къ его слѣдственнымъ обязанностямъ присоединяетъ еще роль судейскую. Судьей слѣдователь долженъ оказаться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится оцѣнивать результаты своего изслѣдованія и принимать на основаніи такой оцѣнки то или иное рѣшеніе. Привлекаетъ ли слѣдователь то или другое лицо къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, принимаетъ ли онъ т. наз. мѣры пресѣченія, прибѣгаетъ ли онъ къ осмотру или обыску, вы-

зову или приводу, штрафуетъ ли или освобождаетъ отъ взысканія неявившихся, по его вызову, свидѣтелей, экспертовъ, понятыхъ, онъ въ своемъ рѣшеніи принять соотвѣтствующую мѣру,—все равно, выразится ли это рѣшеніе въ письменной формѣ постановленія или останется простымъ актомъ мысли,—осуществляетъ логически задачу судейскую. Разумѣется, будетъ ли онъ, какъ органъ собственно изслѣдованія, энергичнымъ обвинителемъ или дѣятельнымъ защитникомъ,—а тѣмъ и другимъ равномѣрно онъ быть не въ состояніи, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, при всемъ своемъ желаніи, не окажется и безпристрастнымъ судьей. Его собственно слѣдственная дѣятельность уже опредѣлила его взгляды въ сторону обвиненія или защиты,—сдѣлала ихъ предвзятыми. Такая предвзятость взглядовъ, невольное предубѣжденіе, осѣвшее въ душѣ при направленіи дѣла подъ опредѣленнымъ угломъ обвиненія и защиты, будетъ для слѣдователя постояннымъ психологическимъ препятствіемъ въ непредубѣжденномъ рѣшеніи чисто судейскихъ вопросовъ, съ которыми онъ каждодневно сталкивается въ своей дѣятельности.

Прокуроръ, призванный къ наблюденію за предварительнымъ слѣдствіемъ, не въ силахъ, съ успѣхомъ для правосудія, выручить слѣдователя изъ такого неустойчиваго, психологически ложнаго положенія: въ предѣлахъ предварительнаго производства онъ самъ втиснутъ въ такія же рамки организаціи эпохи полицейскаго государства, которыя принципіально заграждаютъ слѣдователю путь къ истинѣ и правосудію. Направить своимъ властнымъ наблюденіемъ предварительное слѣдствіе на правильный путь всесторонняго, равномѣрнаго изслѣдованія и данныхъ противъ, и доводовъ за обвиняемаго, прокуроръ не въ состояніи по тому же соображенію, которымъ объясняется психологически неустойчивое положеніе слѣдователя. Принимая въ разсчетъ характеръ человѣческой психики, всего вѣроятнѣе ожидать, что вліяніе прокурора-наблюдателя на слѣдствіе проявится склоненіемъ дѣятельности слѣдователя на путь односторонняго обвинительнаго розыска. Вѣдь неопредѣленныя полномочія по наблюденію за предварительнымъ слѣдствіемъ для самого прокурора являются лишь придаткомъ къ его капитальной задачѣ органа обвиненія, которую онъ призванъ выполнять на стадіи окончательнаго производства. Передъ полномочіями по обвиненію, требующими устной рѣчи на гласномъ

судѣ и кладущими непосредственный отпечатокъ на исходъ процесса, наблюденіе за производствомъ негласнымъ, письменнымъ, подчасъ утрачивающимъ всякую цѣнность для дальнѣйшаго теченія дѣла, психологически въ дѣятельности прокурора отодвигается на задній планъ, опускается на степень второстепенныхъ обязанностей. При постоянномъ напряженіи вниманія на выясненіи обстоятельствъ, уличающихъ подсудимаго, и при рождающейся отсюда привычкѣ разсматривать уголовное дѣло подъ угломъ обвиненія, и то наблюденіе за предварительнымъ слѣдствіемъ, которое прокуроръ призванъ осуществлять въ роли безпристрастнаго блюстителя законности, рискуетъ въ его рукахъ невольно окраситься обвинительной тенденціей. Чтобы сохранить при наблюденіи за предварительнымъ слѣдствіемъ безстрастный постъ блюстителя, стража законности, прокурору, при такихъ условіяхъ, пришлось бы, какъ мѣтко выражается по этому поводу г. Щегловитовъ, отвлечься отъ самого себя, что едва ли мыслимо психологически. Рискуя, такимъ образомъ, пошатнуть неустойчивое состояніе равновѣсія. въ которомъ долженъ находиться слѣдователь, на сторону обвинительнаго розыска, прокуроръ врядъ ли будетъ въ состояніи приблизить его къ пути истины и правосудія.

Хотя по закону наблюденіе прокурора за предварительнымъ слѣдствіемъ и отличается „постояннымъ“ характеромъ, однако въ дѣйствительности оно неизбѣжно оказывается не болѣе, какъ отрывочнымъ и случайнымъ. Если бы даже капитальное дѣло обвиненія и не отнимало у прокурора значительной части его досуга, то все же, имѣя по нѣскольку слѣдователей въ участкѣ, изъ которыхъ у каждаго по нѣскольку параллельно производимыхъ слѣдствій на рукахъ, прокуроръ, при всей широтѣ своего наблюденія за предварительнымъ слѣдствіемъ, никогда не могъ бы обнять этихъ дѣлъ во всей полнотѣ и разнообразіи ихъ непрерывно обновляющагося содержанія,—охватить ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они представляются самому слѣдователю, работающему надъ ними непосредственно, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени. Отсюда съ необходимостью явствуетъ, что на поприщѣ предварительнаго слѣдствія со слѣдователемъ, въ лицѣ прокурора, сталкивается органъ, обладающій весьма значительной властью для того, чтобы руководить, но слишкомъ недостаточнымъ, поверхностнымъ знаніемъ дѣла для

того, что бы направить послѣднее на болѣе правильную дорогу, чѣмъ какъ оно поставлено. При такомъ столкновеніи не бо́льшаго и меньшаго знанія и опытности, но лишь власти болѣе могущественной и менѣе обширной, неизбѣжно отлагается въ душѣ слѣдователя—недовѣріе, у прокурора—враждебное чувство, и такимъ образомъ укрѣпляется, не ко двору для правосудія, взаимная рознь между органами предварительнаго производства. Антагонизмъ между слѣдователемъ и прокуроромъ-наблюдателемъ представляется намъ не случайнымъ, эпизодичнымъ явленіемъ, прокрадывающимся въ ихъ взаимныя отношенія, но естественнымъ результатомъ той идеи, на которой покоится самый дуализмъ органовъ предварительнаго слѣдствія. Выступая въ качествѣ особаго блюстителя за законностью въ дѣятельности органа, призваннаго въ роли слѣдователя-судьи по преимуществу стоять на стражѣ закона, наблюдатель-прокуроръ уже по сущности своей задачи въ предварительномъ слѣдствіи оказывается выраженіемъ недовѣрія соотвѣтствующихъ сферъ къ слѣдователю. Съ недовѣріемъ граничитъ колебаніе авторитета того органа, которому недовѣряютъ, а отъ розни учрежденій, изъ которыхъ одно призвано только къ тому, чтобы наблюдать за дѣятельностью другого,—одинъ лишь шагъ до давленія со стороны болѣе могущественнаго, наблюдающаго органа на чиновника, подлежащаго наблюденію. Опасность такого давленія особенно серьезна въ виду того обстоятельства, что въ лицѣ слѣдователя и прокурора сталкиваются представители двухъ различныхъ вѣдомствъ,—органъ т. наз судебной власти и представитель администраціи,—и что общій, кажется, опытъ всѣхъ континентальныхъ государствъ Европы краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, какъ легко принципіально признанная судейская независимость обходится и игнорируется въ подлежащихъ случаяхъ дѣйствительности.

Отмѣченныя черты, характеризующія дѣятельность слѣдователя и наблюденіе за предварительнымъ слѣдствіемъ прокурора, служатъ нагляднымъ подтвержденіемъ того, что основы институтовъ, въ которыхъ нѣкогда каждая особенность отвѣчала требованіямъ своей эпохи, идутъ въ разрѣзъ съ процессуальными задачами, выдвинутыми потребностями новаго времени. Отрицаніе участія общества и бюрократизмъ, тайна и письменность производства, совмѣщеніе въ одномъ лицѣ всѣхъ

процессуальныхъ функцій, властное наблюденіе за ихъ отправленіемъ ближайшаго повѣреннаго центра,—все это существенно важные моменты съ точки зрѣнія политическихъ стремленій полицейскаго государства. Въ свое время, все это гармонировало съ общимъ строемъ жизни, со всѣми ея оффиціальными проявленіями, до увѣренности короля, что онъ въ своемъ лицѣ совмѣстилъ все государство, включительно! Для правового государства, предъявившаго къ институтамъ процесса требованіе, что бы ихъ организація обезпечивала собою путь къ истинѣ и правосудію, въ основахъ предварительнаго производства сохраняется рядъ обломковъ стараго режима, противостоящихъ его стремленіямъ и задачамъ. Реформами, отдѣляющими современное государство отъ полицейскаго, въ основу организаціи уголовной діагностики было положено начало общественной дѣятельности, обособленія въ рукахъ отдѣльныхъ органовъ задачъ обвиненія, защиты и суда, гласности производства, непосредственности въ знакомствѣ судьи съ доказательствами, наконецъ, независимости судьи отъ какого либо властнаго наблюденія, исходящаго отъ постороннихъ суду органовъ. Признавъ руководящій характеръ этихъ началъ для правильной постановки уголовно-распознавательной дѣятельности, преобразователи, пытавшіеся поставить на континентъ Европы обвинительный процессъ, уже этимъ самымъ осудили, объявили негодными діаметрально противоположныя начала стараго процесса слѣдственнаго типа. Положимъ, первые кодексы нарождавшагося правового государства подчинились вліянію отмѣненнаго порядка и закрѣпили процессъ смѣшаннаго типа, но вѣдь уже самымъ фактомъ реформъ въ борьбѣ жизненной силы съ силой традицій была отмѣчена сторона, которая должна побѣдить. Теперь уже эта побѣда является, въ извѣстной степени, реальнымъ фактомъ для цѣлаго ряда континентальныхъ европейскихъ государствъ. Представленіе о томъ, что инквизиціонныя основы организаціи предварительнаго производства составляютъ препятствіе въ выполненіи задачъ уголовный діагностики, легло въ основаніе дальнѣйшихъ преобразованій уголовнаго процесса, предпринятыхъ въ 1873 г. въ Австріи, въ 1876 г. въ Германіи и—мы минуемъ рядъ другихъ государствъ—8 декабря 1897 г. во Франціи.

Нельзя констатировать, къ сожалѣнію, соотвѣтствующаго накопленія идейныхъ силъ, которыя устранили бы, въ той или

другой степени, соціальные пережитки формаціи эпохи полицейскаго государства изъ русскаго уголовнаго процесса. Но мы въ состояніи отмѣтить, къ какимъ результатамъ ведетъ у насъ въ Россіи дѣятельность слѣдственныхъ органовъ, облеченныхъ въ блестящіе доспѣхи уголовныхъ лейтенантовъ,— и этимъ самымъ указать на настоятельность реформы. Критеріемъ, опредѣляющимъ состояніе слѣдственной дѣятельности, позволительно принять число случаевъ, въ которыхъ слѣдователь самъ признаетъ себя неспособнымъ выполнить лежащую на немъ задачу уголовнаго изслѣдованія: такимъ числомъ можетъ быть, съ извѣстнымъ вѣроятіемъ, признана цифра уголовныхъ дѣлъ, направляемыхъ слѣдователемъ по ст. 277 уст. уг. судопр. „по причинѣ необнаруженія виновнаго“ или „въ виду совершенной недостаточности собранныхъ уликъ“ къ прекращенію. За четырехлѣтніе періоды съ 1874 г. эта цифра растетъ отъ 36,4% къ 40,4%, къ 40,8%, къ 46,3%, достигая въ 1894 г. 52,9%. Если къ этому числу прибавить еще 8,9% дѣлъ, направленныхъ слѣдователемъ въ томъ же году въ мировыя и судебно административныя учрежденія за неподсудностью, то окажется, что количество дѣлъ, которыя онъ надлежащимъ образомъ „заключаетъ“, выразится, по даннымъ статистики за 1894 г., числомъ какихъ нибудь 38 дѣлъ изъ ста. Такой явный, самимъ слѣдователемъ сознанный, неуспѣхъ дѣятельности болѣе, чѣмъ въ половинѣ начатыхъ ихъ дѣлъ, краснорѣчиво доказываетъ, что институтъ, блестящій для эпохи Людовика XIV, оказывается вырождающимся, непригоднымъ учрежденіемъ для нашего времени. Судебный слѣдователь формально расписывается въ своей неспособности выяснить, кто учинилъ преступленіе, найти противъ подозрѣваемаго улики, сперва въ 36% всѣхъ дѣлъ, затѣмъ, постепенно въ 40, въ 46, наконецъ, почти въ 53% начатыхъ дѣлъ: явственно видно, какъ у него все болѣе и болѣе безнадежно опускаются руки, какъ съ каждымъ годомъ сознаніе психологической фальши своего положенія заставляетъ его глубже замкнуться въ формализмъ мертваго канцелярскаго исполненія лежащей на немъ работы, отказавшись отъ всякихъ тщетныхъ попытокъ въ сковывающихъ его и калѣчащихъ доспѣхахъ полицейскаго государства гнаться за жизненной правдой.

Настоятельность реформы, которая избавила бы тружениковъ, работающихъ въ роли судебныхъ слѣдователей отъ гне-

тущихъ основъ организаціи Polizeistaat'a, едва ли можетъ быть ослаблена соображеніемъ, что недостигнутое на стадіи предварительнаго производства слѣдователемъ можетъ быть въ свое время восполнено совершенными средствами производства окончательнаго. Мы не говоримъ уже о десяткахъ тысячъ уголовныхъ дѣлъ, идущихъ безнадежно на прекращеніе: ихъ такъ и не коснется все то, что составляетъ силу и мощь окончательнаго производства—участіе общества, гласность и пр. Умѣстно остановитъ вниманіе на судьбѣ прочихъ дѣлъ, фактически достигающихъ стадіи окончательнаго производства. Относительно ихъ допустимо сомнѣніе, не уйдетъ ли къ моменту, когда соотвѣтствующее дѣло встанетъ, наконецъ, на ступень окончательнаго производства, въ область невозвратнаго прошлаго лучшее для раскрытія истины время, когда еще такъ свѣжи улики, такъ отчетливы показанія свидѣтелей, такъ рельефно возстановляютъ картину преступленія вещественныя доказательства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, является опасеніе, какъ бы матеріалъ, добытый предварительнымъ слѣдствіемъ, не прокрался въ производство окончательное и не склонилъ его своею тяжестью на путь, уже проторенный предшествующимъ производствомъ. Хотя законъ и заграждаетъ принципіально матеріалу предварительнаго слѣдствія доступъ въ производство окончательное, однако онъ не можетъ воспрепятствовать, что бы предварительное производство не отразилось въ обвинительномъ актѣ, чтобы этимъ производствомъ не опредѣлилось отношеніе къ дѣлу предсѣдателя, и т. п. Эти соображенія говорятъ далеко не въ пользу того, будто окончательное производство всегда въ состояніи направить дѣло на правильный путь, хотя бы оно было поставлено на ложный путь производствомъ предварительнымъ. Напротивъ, отмѣченныя соображенія заставляютъ опасаться, какъ бы окончательное производство, загромождаясь матеріаломъ производства предварительнаго, проникаясь его направленіемъ,—короче говоря, повторяя, воспроизводя его содержаніе, не превратилось, въ извѣстной степени, въ формальность, представляющую разыгрываніе въ публичномъ представленіи пьесы, неудачно срепетованной въ стадіи предварительнаго производства.

Указывая на настоятельность реформы предварительнаго производства въ процессѣ смѣшаннаго типа, мы отнюдь не солидарны съ тѣми профессіональными юристами, которые

полагаютъ, что достаточно двухъ-трехъ частичныхъ мѣропріятій, улучшающихъ положеніе судебнаго слѣдователя,—и институты предварительнаго производства будутъ дѣйствовать вполнѣ надежнымъ образомъ. Самое разнообразіе и взаимное разнорѣчіе предлагаемыхъ ими мѣропріятій напоминаетъ намъ такой же неширокій эмпиризмъ, который лежитъ въ основаніи обычныхъ совѣтовъ,—указаній средствъ избавиться отъ болѣзни, основанныхъ, на личномъ наблюденіи или на собственномъ опытѣ. Предложенія подобныхъ мѣропріятій столь же отличны отъ требованій политики, опирающейся на соціологическія основы, какъ названныя указанія отличаются отъ леченія, соотвѣтственно правиламъ медицинскаго искусства, основаннаго на естественно-научномъ знаніи.

Въ основу реформы уголовнаго процесса смѣшаннаго типа долженъ лечь естественно-историческій взглядъ на институты предварительнаго производства, какъ на соціальное переживаніе процессуальныхъ учрежденій старой формаціи эпохи полицейскаго государства. Признаніе основъ организаціи предварительнаго производства процесса смѣшаннаго типа условіями, принципіально заграждающими въ отправленіи задачъ уголовной діагностики путь къ истинѣ и правосудію, опредѣлитъ направленіе и сущность реформы: вытѣсненіе бюрократизма общественной дѣятельностью, дифференціація функцій обвиненія, защиты и суда, гласность и непосредственность производства,—послѣдовательно составятъ ея основныя требованія. Осуществленіе этихъ требованій знаменуетъ собою въ сущности дальнѣйшее разрушеніе обломковъ инквизиціоннаго процесса формаціи Polizeistaat'a—упраздненіе должности судебнаго слѣдователя и связаннаго съ ней прокурорскаго наблюденія за слѣдствіемъ. Это разрушеніе институтовъ предварительнаго производства, въ ихъ характерныхъ устояхъ и обособленности, и превращеніе производства окончательнаго, въ его руководящихъ принципахъ, изъ заключительной стадіи процесса въ его цѣлое составитъ прямое и, при непрерывности развитія жизни, необходимое продолженіе реформъ, надломившихъ инквизиціонный процессъ,—и среди нихъ дорогой для насъ великой судебной реформы шестидесятыхъ годовъ.